

Ржевусский Людомир Ал-дрович

Терцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л93

Л93 **Людомир Ал-дрович Р.**
Терцы / Ржевусский Людомир Ал-дрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 292 с.

ISBN 978-5-519-80652-7

ISBN 978-5-519-80652-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОНЕРЫ РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА НА КАВКАЗЪ.

Терскіе казаки справедливо гордятся своею трехвѣковой осыдлою жизнью на Кавказѣ. Изъ рода въ родъ передаютъ они боевыя историческія воспоминанія о подвигахъ предковъ. Въ веселой бесѣдѣ, «за чепуркой родительскаго,» ведутъ они свои повѣствованія, въ назиданіе молодому поколѣнію. Разсказы о томъ, какъ бились Терцы-Линейцы съ вражескими полчищами въ городкахъ Гребенскихъ и Семейныхъ и какъ били челомъ Грозному о свинцѣ и порохѣ, весьма интересны и назидательны. Походъ съ Петромъ Великимъ въ Дербентъ и, въ особенности, походъ, по волѣ Петра, съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву, гдѣ погибли всѣ 500 отборныхъ Гребенскихъ казаковъ, не перестаютъ жить и до сихъ поръ въ устахъ Гребенскихъ казаковъ—и вообще у жителей низовьевъ Терека.

Но то было время давно уже пережитое предками и еще недостаточно подробно освѣщенное историческими изслѣдованіями, тогда какъ болѣе живой интересъ въ разсказахъ Терскихъ казаковъ относится къ ближайшему къ намъ времени, пережитому еще въ живыхъ находящимися свидѣтелями. Періодъ второй половины прошлаго и первой настоящаго столѣтія переполненъ цѣлымъ рядомъ воспоминаній, при которыхъ еще и теперь трепещетъ ретивое—либо отъ радости боевыхъ успѣховъ, либо отъ пережитого ужаса кровавыхъ событій. Не станемъ повторять деталей разсказовъ изъ прош-

лаго вѣка, когда, только что поселенные по Тереку, рядомъ съ Гребенскими казаками, станицы Моздокскаго полка подверглись нападенію крымскаго предводителя Калги, при участіи кабардинцевъ; строевые казаки были тогда въ отсутствіи, въ походѣ, а слабые остатки стариковъ и молодыхъ казачатъ побросали станицы и, собравшись вмѣстѣ, стали отстаивать свой, только что основанный, станъ Науръ, при помощи женщинъ, переодѣвшихся въ мужское платье. Не одному кабардинцу и крымскому татарину пришлось получить отъ Наурской казачки вспрыскиваніе по ушамъ кипящей смолою, или водою. Наурскія казачки и теперь еще гордятся своими героинями-прабабками, вспоминая ихъ и добрымъ словомъ и въ молитвахъ о успокоеніи ихъ душъ.

Но наиболѣе памятные и живые рассказы относятся, однако-же, къ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Не утихла еще борьба съ озлобленными кабардинцами за обладаніе землями по Малку, какъ въ 20-хъ годахъ, въ Ермоловскія времена, закипѣла борьба съ чечѣнцами, превозгласившими въ горахъ священную войну (Казаватъ). Въ это время напряженіе силъ Терскихъ казаковъ достигло своего апогея. Трудно, хотя бы и вкратцѣ, перечислить всѣ требованія, предъявлявшіяся линейнымъ казакамъ—воинамъ и гражданамъ, піонерамъ владычества русскихъ на Кавказѣ. Линейные казаки поголовно отправляли двадцатипятилѣтнюю строевую службу; въ то же время неспособные къ строевой службѣ отбывали внутреннюю, вмѣстѣ съ семнадцатилѣтними малолѣтками и 55—60 лѣтними отставными стариками. На этомъ разрядѣ людей, за выходомъ въ походъ строевыхъ казаковъ, лежала нерѣдко обязанность защищать станицы отъ нападеній горцевъ. На нихъ же возлагались: усиленная поставка подводъ для перевозки тяжестей проходившихъ войскъ, печеніе для нихъ хлѣба, сушка сухарей, поставка натурою дровъ, равно какъ и квартирная повинность. Кромѣ того, всѣ поселенные по Тереку полки имѣли, въ то время, свою пол-

ковую артиллерію, не для одной только обороны своихъ станицъ, но и для полевой службы съ строевыми частями. Эта артиллерія продовольствовалась средствами внутреннослужащихъ казаковъ, доставлявшихъ натурою и сѣно и зерновой фуражъ.

На ряду съ столь тяжелыми условіями осѣдлой жизни, на долю казаковъ выпадало отражать безпрестанные набѣги горцевъ. Къ мелкимъ, ежедневнымъ, хищничествамъ казаки относились какъ къ злу уже роковому, неизбѣжному и, въ свою очередь, оплачивали горцамъ тою же монетою. Казачьи земли довольно сочно пропитаны кровью отважныхъ наѣздниковъ, стремившихся жить чужимъ трудомъ. Но несравненно болѣе важное значеніе представляютъ тѣ эпизоды, когда казачьи поселенія раззорялись и зачастую раззорялись въ корнѣ, вслѣдствіе нашествія горцевъ громадными скопищами, что бывало въ особенности тогда, когда строевые казаки находились въ походахъ. Въ такихъ случаяхъ, казаки нерѣдко платились и жизнью и раззореніемъ цѣлыхъ станицъ, такъ напримѣръ, Солдатская выжжена кабардинцами, причемъ множество плѣнныхъ и весь житейскій скотъ сдѣлались ихъ добычей.

Частые и столь-же рѣшительные набѣги, въ особенности, стали предприниматься Чеченцами въ 20-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Моздокъ и Кизляръ на Терекѣ и, по очереди, почти всѣ станицы всей Кавказской линіи испытывали, хотя въ менѣе раззорительномъ видѣ, силу нашествій Кавказскихъ горцевъ.

Казалось-бы, что ударъ за ударомъ, особенно въ сороковыхъ годахъ, во время властвованія въ горахъ Шамиля, должны были поколебать въ казакахъ желаніе остаться на занятыхъ ими мѣстахъ и ослабить вѣру въ ихъ колонизаторской устойчивости, но, чѣмъ рѣшительнѣе были напоры горцевъ, тѣмъ тверже укрѣплялись на своихъ мѣстахъ казаки, до тѣхъ поръ, пока на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ не

замкнули своими станицами все пространство отъ моря до моря и—не разставили своихъ поселеній на всѣхъ проходахъ и выходахъ изъ горъ.

Если, при этой отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть, казаки часто лишались и своихъ стадъ, а не рѣдко и родныхъ семействъ, то и сами они, въ свою очередь, не оставляли въ покоѣ горцевъ. Набѣги казачьи то и дѣло сокрушали жилища враговъ и нерѣдко, вмѣстѣ съ плѣненіемъ людей, одинъ и тотъ же скотъ переходилъ изъ рукъ казаковъ въ руки горцевъ и обратно, по нѣскольکو разъ.

Вотъ какими самобытными усиліями, благодаря несокрушимой живучести, линейные казаки, долгіе годы проливавшіе и свою и вражью кровь, добыли себѣ теперешнее обладаніе землями, ставшими ихъ исконнымъ достояніемъ. Теперь сдвинуть ихъ отсюда можетъ только воля Божія и никакая другая сила, ни какая вражья рука, какими бы средствами она не обладала—такъ твердо, такъ безповоротно-прочно, осѣло здѣсь Кавказское казачество, сдѣлавшееся при томъ извѣстнымъ цѣлому міру своимъ вѣковымъ бытіемъ въ видѣ военно-сословныхъ общинъ.

Отъ борьбы на мѣстахъ своихъ становищъ перейдемъ къ внѣшней борьбѣ, закипѣвшей съ особенной силой со временъ Ермолова. Ермоловъ повелъ дѣятельную борьбу въ нѣдрахъ возставшей Чечни и при этомъ снова явились ему на помощь линейные казаки. Ермоловъ, участникъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ, описывая атаку линейцевъ въ Ханкальскомъ ущельи на атаковавшихъ нашу пѣхоту горцевъ, говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «рѣдко видятъ сіе кавалеристы, хотя нерѣдко и говорятъ о шокѣ. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростью.—Но вотъ чеченцы, мало по малу, стали подаваться назадъ и дали тылъ. Линейцы наслѣли на бѣгущихъ...»

Про другое дѣло Ермоловъ говоритъ: «покончивъ работу, я отошелъ назадъ, а вся конница, подъ начальствомъ

Петрова, (командира Моздокскаго казачьяго полка) отправлена была опять къ развалинамъ Урусъ-Мартана. Казаки застали здѣсь значительныя силы и 27 Апрѣля выдержали жаркое дѣло; при отступленіи чеченцы нѣсколько разъ преграждали имъ путь, но ничто не могло превзойти храбрости казаковъ Моздокскаго полка и Семейнаго войска. Они то спѣшивались, то дрались на коняхъ, смѣло бросаясь въ шашки и повсюду сбивали горцевъ. При просѣлкѣ Шалинской поляны чеченцы дрались упорно. Когда при сильной перестрѣлкѣ лѣсъ былъ пройденъ, чеченцы бросились въ шашки на егерскую роту, но, къ счастью, подоспѣли на помощь линейцы, и часть казаковъ, спѣшившись, дрались наравнѣ съ пѣхотой.....»

Утомленіе не свойственно казакамъ, оно не въ ихъ натурѣ и, едва окончилась битва, въ которой казаки, по словамъ самаго Ермолова, принимали дѣятельное участіе и, только что казаки возвратились по домамъ, какъ, узнавъ, что на линіи, въ ихъ отсутствіе, происходили набѣги горцевъ, сочли необходимымъ отплатить имъ тою же монетою. Послѣ роспуска 18 Мая отряда, войска возвратились въ Грозную и военныя дѣйствія затихли, но 500 Гребенскихъ и Моздокскихъ казаковъ скрытно собрались въ Наурѣ, послѣ чего, переправившись черезъ Терекъ, подъ начальствомъ своихъ командировъ Петрова и Ефимовича, сдѣлали весьма удачный набѣгъ за Сунжу къ Даутъ-Мартану и вернулись оттуда съ добычей. Этимъ набѣгомъ закончились дѣйствія въ Чечнѣ при Ермоловѣ, для того, чтобы съ новою силою и энергіею разразиться при развитіи и процвѣтаніи Казавата

Въ приказѣ отданномъ послѣ усмиренія мятежа чеченцевъ, Ермоловъ отнесся съ благодарностью и полной справедливостью ко всѣмъ, принимавшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, войскамъ, но особенное уваженіе его въ этихъ походахъ пріобрѣли линейные казаки, о которыхъ онъ, прежде, не зная ихъ, отзывался съ такою рѣзкостью. Объясненіе

причинъ перемѣны взглядовъ Ермолова на линейныхъ казаковъ слѣдуетъ искать въ его собственныхъ нижеслѣдующихъ словахъ: «прежде видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко, но теперь могу судить о храбрости ихъ и о ихъ предпріимчивости»; въ заключеніе онъ говоритъ: *«конечно изъ всѣхъ многообразныхъ казаковъ въ Россіи нѣтъ имъ подобныхъ»*. «Я не видалъ,» говоритъ Ермоловъ въ другомъ мѣстѣ, «ни одного казака, стрѣляющаго попусту, ни одного ѣдущаго подъ сильнымъ огнемъ непріятеля иначе какъ малымъ шагомъ. Смѣю думать, что это не самое легкое и въ регулярной конницѣ».

Этими эпизодами конечно не исчерпываются подвиги линейцевъ за предѣлами войска; они тамъ жили и служили больше чѣмъ на своихъ линіяхъ. Но мнѣніе Ермолова о казакахъ и его отзывъ о нихъ приведены потому, что Ермоловъ единственный изъ военачальниковъ, который, по прибытіи на Кавказъ, до походовъ, относился къ линейнымъ казакамъ, какъ говорили преданія, не безъ предубѣжденія. Только боевыя отличія въ походѣ и стойкость казаковъ на Терской линіи повернули его мнѣніе въ сторону линейцевъ, да притомъ еще безъ сравненія съ другими казаками Россіи. Насколько, значить, самое прозорливое начальство должно быть осторожно при оцѣнкѣ достоинства войскъ пока ихъ не увидитъ лично въ дѣлѣ съ непріателемъ.

Послѣдующее за Ермоловымъ начальство уже смѣло полагалось на линейцевъ и съ увѣренностью водило ихъ на самыя отчаянныя подвиги, на борьбу съ горцами, персіянами, турками, венгерцами и обитателями среднеазіатскихъ степей,—при чемъ повсюду вражескій ростъ становился короче на цѣлую голову когда роковой ударъ казачьей шапки былъ опускаемъ надъ плечомъ противника.

И. Сафоновъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕХВѢКОВОЙ ЖИЗНИ ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ. (*)

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ смиреннымъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ, и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Ивъ рѣчи гр. Соллогуба, привѣтствовавшего назначеніе на Кавказъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича въ 1863 году.)

Терское казачье войско, долговременными трудами и жертвами, подготовило образованіе нынѣшней Терской области и, въ настоящее время, составляетъ основу ея русскаго населенія. Населеніе Терскаго войска, издревле обязанное воинской повинностью, выставляетъ на службу въ обыкновенное время: два гвардейскихъ эскадрона Собственнаго Е. И. В. конвоя, двѣ конно-артиллерійскія батареи и четыре конныхъ полка. Полки имѣютъ тройной личный составъ, такъ что въ военное время каждый полковой округъ, вмѣсто одного, выставляетъ на боевую службу три, а всѣ четыре округа—двѣнадцать полковъ. Полкамъ принадлежатъ имена: Кизлярско-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій и Сунженско-Владикавказскій. Кизлярско-Гребенской именуется полкомъ великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго. Съ каждымъ изъ полковыхъ имянъ соединяется своя исторія, болѣе или менѣе давняя, исторія русской колонизаціи и водворенія русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ, начиная съ той части его, гдѣ выдающимся географическимъ терминомъ является рѣка Терекъ.

Знакомство русскихъ людей съ Терекомъ началось еще

(*) «Терскіе Казаки съ стародавнихъ временъ». Соч. Ивана Попко.

въ XIV вѣкѣ: Первые проникали сюда съ Волги, варяжскимъ обычаемъ, новгородскіе повольники или ушкуйники, то есть охотники за сѣвернымъ медвѣдемъ—ушкуемъ и плователи въ ладьяхъ, называвшихся тѣмъ же именемъ. Своевольство новгородцевъ, говоритъ Карамзинъ, возбуждало негодованіе великаго князя Дмитрія Іоанновича: многіе изъ нихъ составляли цѣлыя полки и ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя, между прочимъ и внизъ по Волгѣ, украшая разбои именемъ молодечества*). За новгородскими повольниками пускались въ тоже молодечество по Дону и Волгѣ и рязанскіе казаки, населявшіе придонскую волость Червленый-Яръ, гдѣ служили они украинной стражей Рязанскому княжеству. Великій князь Московскій Іоаннъ III гнѣвался на молодечество рязанскихъ казаковъ и грозилъ имъ наказаніемъ. Въ 1520 годахъ послѣдовало присоединеніе Рязанскаго княжества къ московской державѣ. По обычаю собиранія земли русской, менѣе стоворчивымъ жителямъ княжества предстояло принудительное выселеніе въ предѣлы суздальскіе. Скорѣе другихъ ожидали этой участи казаки Червленнаго-Яра, а особенно тѣ изъ нихъ, которые чаще водились съ ушкуйниками и имѣли больше причинъ страшиться немилости московской власти. Во второй четверти XVI вѣка казаки эти, подбитые коноводами ушкуйниками, поднялись большой станицей (отрядомъ), посадились въ струги съ семьями и животами и выплыли весеннимъ половодьемъ въ Донъ, откуда по Камышенкѣ, переволоклись на Волгу и пустились не незнакомымъ, конечно, путемъ къ недостижаемому никакой московской погоней убѣжищу—устьямъ Терека. Въ этомъ глухомъ углу восточнаго Кавказа существовало полуторговое, полуразбойничье, мѣстечко Темень. Не подлежитъ сомнѣнію, что удалая станица Червленнаго-Яра направлялась къ этому притону, но никакое преданіе не объясняетъ, по какимъ обстоятельствамъ она тамъ не осѣла, а двинулась вверхъ по Тереку къ пятигорскимъ черкасамъ (ка-

*) Ист. Госуд. Росс. Карамзина. Изд. пятое, 1842 г. Кн. II, Т. V.

бардинцамъ), вступила въ тѣсный союзъ съ ними, и съ ихъ помощью, поселилась у гребней или предгорій Кавказскаго хребта, при впаденіи Аргуна въ Сунжу. Пятигорскіе черкасы, отстаивая свою независимость противъ крымскихъ хановъ и дагестанскихъ шамхаловъ, искали покровительства московской державы и въ 1555 году, чрезъ большое посольство били челомъ царю Іоанну Васильевичу Грозному о принятіи ихъ въ русское подданство. Съ тѣмъ же посольствомъ приходили къ царю съ повинной и атаманы русскихъ казаковъ, поселившихся въ союзѣ съ пятигорскими черкасами на Сунжѣ. Преданіе свидѣтельствуетъ, что царь Іоаннъ Грозный не только простилъ казакамъ ихъ побѣгъ съ Червленнаго-Яра, но еще подарилъ ихъ рѣкою вольною Терекомъ, велѣвъ имъ служить свою службу государскую, беречи свою вотчину кабардинскую. Съ того времени первые русскіе поселенцы на Кавказѣ дѣлаются исторически извѣстными подъ именемъ Гребенскихъ, то есть горныхъ казаковъ. Для утвержденія царской власти въ пятигорскихъ черкасахъ, въ 1567 году, была поставлена на лѣвомъ берегу Терека, противъ устья Сунжи, русская крѣпость, названная Терскимъ городомъ или Теркомъ. При этомъ городѣ гребенскіе казаки начали отбывать дѣйствительную службу государству, заключающуюся въ объѣздахъ, заставахъ, ближнихъ и дальнихъ посылкахъ, въ охраненіи переправъ и въ походахъ на кабардинскаго недруга шамхала съ царскими войсками. Въ скоромъ времени, со стороны крымскаго хана и турецкаго султана слышались жалобы на угѣснительныя дѣйствія казаковъ, загоразивавшихъ «черкасскую дорогу». Жалобы оканчивались требованіемъ русскій городъ, поставленный въ кабардинской землѣ, снести и «черкасскую дорогу отпереть». Въ 1571 году Терскій городъ «у усть-Сунчи рѣки» былъ оставленъ царскими войсками къ великому огорченію кабардинскихъ князей, а особенно родичей тестя государева Темрюка, удѣлъ котораго примыкалъ къ городу. По ихъ настоянію, въ упраздненной

русской крѣпости засѣли гребенскіе казаки, въ подмогу которымъ тѣ же кабардинскіе князья, при содѣйствіи астраханскихъ воеводъ, призвали еще большую станицу вольныхъ казаковъ съ Волги. Жалобы отъ крымцевъ и турокъ возобновились, но московское правительство, искренно или такъ себѣ, отвѣчало, что въ брошенномъ Терскомъ городѣ самовольно засѣли «воры, волжскіе казаки, которые государя не слушаютъ, —хоть бы вы ихъ всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не для чего». Шамхалъ и хотѣлъ это сдѣлать, нападая не разъ на городъ, но казаки храбро отбивались и не прежде покинули это укрѣпленное мѣсто, какъ когда былъ построенъ новый царскій городъ, болѣе долговѣчный благодаря тому, что Каспійское море и Астрахань служили ему надежною базой. Этотъ новый городъ былъ возведенъ въ 1588 въ устьѣ Терека, близъ морскаго берега, и въ немъ учреждено воеводство, зависимое отъ астраханскаго. Ему дано было тоже названіе Теркъ, видоизмѣняемое нерѣдко въ Терку и въ Терки; старый же городъ, брошенный уже и казаками, писался послѣ того Суншинскимъ Городищемъ. Волжскіе казаки, по оставленіи этого мѣста, присоединились въ большинствѣ къ гребенскимъ казакамъ и значительно усилили населеніе ихъ городковъ у сунженскихъ гребней.

Городки эти, называвшіеся также казачьими острожками, были передовыми постами терскаго воеводства. Что посты эти несли полезную службу, показываетъ сохранившаяся отписка воеводъ въ Москву: «если казаковъ по Терку и въ Гребеняхъ не будетъ, и Терскому городу будетъ большая тѣснота». Казаки держались въ своихъ гребняхъ благодаря поддержкѣ князей нижней или малой Кабарды, землю которыхъ они прикрывали, и пріятельскимъ связямъ съ маловинственными и немусульманскими тогда сосѣдними чеченскими обществами, изъ которыхъ брали даже себѣ женъ. Но къ исходу XVII столѣтія отношенія добраго сосѣдства измѣнились такъ невыгодно для казаковъ, что они должны были